

СЛОВО, ИМЯ, ВЕЩЬ В ДУХОВНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Н.В. ГОГОЛЯ*

Аннотация. В статье исследуются повести «Невский проспект» и «Шинель» из петербургского цикла. Название города и имена его обитателей, взаимоотношения людей и вещей, ключевые слова и речевые характеристики персонажей дают возможность проникнуть в глубокий пророческий смысл произведений Гоголя, понять их духовную и социальную проблематику, актуальность которой в наши дни еще более возросла.

Ключевые слова: Петербург, Нева, Акакий, «значительное лицо», гротеск, шинель, слово, социальная и духовная трагедия.

O. Sokurova

A WORD, A NAME, A THING IN SPIRITUAL PROBLEMS OF "PETERSBURG STORIES" BY N. GOGOL

Abstract. This article examines the stories "The Nevsky Prospekt" and "The Overcoat" in Petersburg series by Gogol. The author shows that the name of the town and the names of its inhabitants, the relations between persons and things, key words and speech descriptions of the characters allow to enter into deep meaning and predications of Gogol's works and understand their spiritual and social problems which maintain their relevance even until this present day.

Key words: Petersburg, Nevsky prospekt, Akaky, the important person, the theme of cloth, the overcoat, a word, spiritual and social tragedy.

Слово, считал Н.В. Гоголь, «есть высший подарок Бога человеку» [1]. Великий знаток и мастер слова, он не уставал удивляться дарам родного языка: «что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи» [2]. Живой и бойкий русский ум «не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку» [3].

Язык самого писателя на каждом шагу поражает и восхищает читателя своим разнообразием, выразительностью, меткостью.

Он способен достигать пророческих высот, а порой бывает детски простодушен. В нем то всеми оттенками играет мягкий малороссийский юмор, то поднимается и заполняет все пространство светлая лирическая волна, то звенит струна мистического ужаса или восторга. Поистине, он вполне соответствует той характеристике, которую дал Гоголь нашему языку: «В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно...» [4].

Однако «подарок Бога человеку» может быть утрачен, если человек забудет высокие цели своего существования. Теряя себя, он перестает понимать смысл имени и оскудевает в слове. И язык, «живой как жизнь», начинает иссыхать, если мертвое наступает на живое, вытесняет это живое из внутреннего и внешнего мира. Сегодня мы наблюдаем такие процессы на каждом шагу, в полном их развитии. Но Гоголь первым в нашей художественной литературе забил тревогу об измельчании, оскудении и омертвлении человеческих душ, о «бестолковщине» российской действительности, о торжестве материи над духом. И он сумел передать, выразить все это языковыми средствами: через речевые характеристики персонажей, через абсурдные столкновения слов и явлений, через отношения личности со словом, именем, вещью.

Разработку духовных проблем человека нового времени Н.В. Гоголь предпринимает в цикле «Петербургских повестей», который создавался постепенно, с середины 1830-х до начала 1840-х годов.

Петербург являлся для писателя центром европейски ориентированной России, символом современной цивилизации, и в сути этой цивилизации он стремился разобраться. Что же открылось ему? Рамки данной статьи позволяют нам рассмотреть в связи с поиском ответа на данный вопрос лишь две, впрочем, центральные повести цикла: «Невский проспект» и «Шинель».

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что *имя* города,

* © Сокурова О.Б.

давшее толчок наименованию цикла, неполное: перед нами не *санкт-петербургские*, а *петербургские* повести. Таким образом, из названия города «выпала» первая часть – «Санкт» («святой»). Можно было бы объяснить такую неполноту просто удобством произношения, а можно усмотреть и нечто большее: утрачено сакральное начало имени, сохранилась лишь его «мирская» часть – и город святого Апостола Петра превращается в город императора Петра.

Гоголевский взгляд на «град Петров» скептичен и тревожен: он видит, что под твердью града – трясина болота, а над твердью – зыбкое колебание петербургских туманов. Картина города под его пером является не графически четкой, как, например, у Пушкина во вступлении к «Медному Всаднику», а фантазмагорической, химерической. Кажется, что город в любой момент способен исчезнуть в бездне, провалиться в нее «вместе с мириадами карет».

Под угрозой исчезновения находится и человеческая душа, утратившая твердое внутреннее основание, духовную вертикаль. Исчезает то, что называется «святое за душой» («санкт»), и потому сама душа неизбежно мельчает, погружается в болото пошлости. Гоголь, как известно, объявил войну именно пошлости, поскольку в ней он увидел источник разложения мира, начало его конца.

Центральной магистралью города является Невский проспект. Гоголевская повесть с тем же названием также имеет магистральное значение среди других повестей петербургского цикла: в ней намечены все сквозные темы, обозначены человеческие типы, которые получают конкретизацию и развитие в последующих повестях.

Невский проспект получил свое название от имени главной реки города. *Нева* происходит от финского слова «нева» – «болото», «топкое место». В других североевропейских языках голландское слово «*nieu*», шведское и средне-нижне-немецкое «*nuva*» означают «*новая река*». В гоголевской повести символически «работают» оба значения: на Невском сосредоточена жизнь новой, европейски ориентированной России, и эта жизнь предстает как обывательское болото, несмотря на весь претенциозный блеск. Большинство петербургских жителей давно приспособились к установленному еще при Петре регламенту, распорядку столичного существования, подчинились успокоительной жи

вообще принятых мнений, утвердились в самодовольной уверенности, что тот образ жизни, который они ведут, и есть единственно правильный порядок бытия. Зло спряталось в привычку, укоренилось в ней. Творческая задача огромной сложности, которую Гоголю нужно было решить, состояла в том, чтобы обнаружить это невидимое миру зло через видимый ему смех.

Образ болота, трясины связан с образом *обмана, иллюзорности*. Восторженный гимн, который звучит в начале повести, тоже обманчив: читатель без труда угадает иронические нотки в авторском панегирике Невскому проспекту. «Великая праздная сила» собирает сюда обывателей: «едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гулянием» [5]. Трудовой люд вынесен как бы за скобки центральной магистрали. Он появляется на Невском по утрам и не обращает на него внимания – так же точно и «улице-красавице» нет дела до этих простых, занятых своими заботами людей. Центральная улица столицы оживает лишь к полудню, и чем ближе к ночи, тем оживленнее она становится. Автор показывает, что жизнь в городе, и особенно на центральной его улице, противоестественна, она направлена как бы против солнца.

Невский проспект претендует на роль «*всеобщей коммуникации*» Петербурга. Между тем, мы видим нечто обратное: разобщенность, раздробленность толпящихся здесь людей. В двенадцать часов дня на Невском появляются дети с иностранными гувернерами. Воспитание детей передоверено родителями чужим и пустым наставникам. А сами добропорядочные отцы семейств заняты в это время делами более важными: просмотром газет за утренним кофе, обсуждением с домашним доктором прыщика на носу, городских новостей и т. д. Впрочем, они неизменно интересуются «здоровьем лошадей и детей своих» (3, 11) – в последовательности их расспросов нетрудно увидеть намек на силу родительских чувств. В последующие часы Невский заполняют «волны» чиновников в зеленых мундирах, разодетых дам и господ. И всякий раз подтверждается общее правило: человека здесь и встречают, и провожают «*по одежке*» (в «Петербургских повестях» тема одежды, «оболочки» человека, понятая на очень глубоком духовном уровне, становится сквозной). Все в человеке вынесено вовне, на всеобщее обозрение. При этом каждый стремится подчеркнуть некое глав-

ное свое «достоинство» – будь то оформленные с изумительным искусством бакенбарды, или стройная дамская ножка в изящном башмачке, или особого фасона шляпка, или усы, «которым посвящена лучшая половина жизни», или такая тоненькая талия, «какая вам никогда и не снилась».

Вовлеченный автором в пестрый круговорот этой ярмарки тщеславия, читатель, наконец, с изумлением замечает, что человеческих лиц вовсе нет, а попадаются разные части физиономий: античный нос или блестящие глаза, или розовая часть щеки. И создается какая-то фантазмагорическая картина, чуть ли не в стиле И. Босха или С. Дали: по Невскому прогуливаются отдельные части лиц, тел, костюмов. Невский – это раздробленный мир мелких амбиций и раздутых претензий. Нет цельных личностей. Нет истинных человеческих отношений. Весь мир словно «искрошен каким-то демоном». *«Лоскутный стал человек»*, согласно горькому диагнозу писателя.

Гоголь духовно раскрывает петербургскую картину мира с помощью своего излюбленного приема – гротеска. Этот острый комический парадокс помогает «встряхнуть» сознание, поразить, озадачить его. Как известно, название приема происходит от итальянского слова «грот»: в одном из гротов подземных терм римского императора Тита был найден причудливый орнамент, в котором растительные, животные, человеческие формы в какой-то удивительной игре фантазии переходили друг в друга.

Обратим внимание на некоторые гротескные эпизоды «Петербургских повестей». Вот на Невском проспекте дамы вдруг превращаются в море разноцветных мотыльков над черною тучей жуков мужского пола (3, 12). На балу, который видит во сне художник Пискарев, перемешались в невероятной пестроте сверкающие дамские плечи, черные фраки, люстры, эфирные ленты и толстый контрабас. И художнику кажется, что «какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков, и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» (3, 24). В другой раз художник во сне видит господина, который одновременно и чиновник, и фагот. Нечто похожее находим в повести «Коляска» из того же цикла: на центральной площади провинциального городка разбросаны маленькие лавочки, в которых «всегда можно заметить связку баранок, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндаля,

дробь для стрельбы, деликатон и двух купеческих приказчиков, играющих в свайку». Гоголь как бы сваливает в одну «плюшкинскую» кучу слова, обозначающие живые лица и самые разные неодушевленные предметы, чтобы показать: одни формы причудливо переходят в другие или пребывают в каких-то нелепых, абсурдных сочетаниях друг с другом. И оказывается, что человек в этом мире ничуть не значительнее насекомого, что он *вещь среди вещей*, хлам среди хлама. *Душа овеществляется, а вещь одушевляется.*

Взаимодействие вещи и человеческой души наиболее глубоко разрабатывается в «Шинели». Здесь Гоголь показывает одного из самых немощных, жалких, забитых и забытых созданий петербургского мира и хочет, чтобы мы увидели его не как муху или пятно на скатерти, а как такого же, как и мы, человека, чтобы узнали в нем брата.

Как вспоминает близкий знакомый Гоголя, литератор П. Анненков [6], писателю однажды рассказали анекдот об одном бедном чиновнике, страстном охотнике, который с помощью строжайшей экономии и дополнительных заработков копил деньги и, наконец, приобрел за двести рублей предмет своих многолетних мечтаний – великолепное лепажевское ружье. Эту драгоценность он положил на нос лодки и пустился охотиться за дичью по Финскому заливу. Незаметно для него ружье было стянуто в воду густым тростником. Обнаружив пропажу, чиновник пришел в отчаяние и вернувшись домой, слег в горячке. Его знакомые, узнав о происшествии, собрали деньги по подписке и купили новое ружье. Только так он был возвращен к жизни.

Гоголь выслушал анекдот, задумчиво опустив голову. Был дан толчок для замысла, который разросся до художественных обобщений огромного масштаба. Известны слова: «все мы вышли из гоголевской «Шинели» – речь идет обо всем последующем развитии русской литературы. Слова эти приписывали Ф.М. Достоевскому. Сейчас склоняются к тому, что крылатую фразу произнес И.С. Тургенев. У Достоевского есть другая мысль, не менее важная, высказанная в 1861 году – о том, что Гоголь «из пропавшей у чиновника шинели сделал нам ужасную трагедию». В чем же смысл, в чем «ужас» этой трагедии? Со времени издания повести и по сей день предпринимаются разнообразные попытки ответить на этот вопрос. Но глубина гоголевского шедевра остается неисчерпаемой. Поп-

робуем и мы заглянуть в нее.

И отечественные, и зарубежные литературоведы очень пристальное внимание уделяют *имени* главного героя [7]. Автор, однако, поначалу имени не называет. Он не называет, «во избежание обид», и имя департамента, в котором служил бедный титулярный советник, объявляет только, что «в *одном* департаменте служил *один* чиновник» (3, 141). Эта фраза сразу же указывает на типическое обобщение образа главного персонажа и места его службы, и в то же время на некую их *близкость*. Затем следует описание внешности маленького чиновника – весьма заурядной, какой-то даже размытой (несколько рыжеват, несколько рябоват, несколько лысоват и подслеповат). После этого называется его фамилия – Башмачкин (литературовед К. Мочульский, видный представитель русского зарубежья, обратил внимание на то, что эта фамилия происходит от названия *вещи* – и вещь, шинель, подчинит себе потом сознание и жизнь героя [8]). Только вслед за этим рассказывается забавная история выбора имени: бедной матушке героя предлагают почему-то самые экзотические имена из святцев – такие, как Моккий, Соссий, Хоздадат, Варахасий, Павсикахий и т. д. Надо отметить, что писатель в данном случае совершенно не озабочен соблюдением реалий: все перечисленные имена святых действительно существуют, но поминаются под самыми разными числами и месяцами, – как правило, и близко не стоящими к дате 22 марта («против ночи на 23 марта»), когда родился младенец. Между тем, на Руси имя новорожденного было принято выбирать из имен святых, поминаемых в самый день рождения или в ближайшие дни. Очевидно, автор в этом случае интересовался отнюдь не фактографической достоверностью. Ему было важно подчеркнуть, что явившемуся в этот мир маленькому человеку с самого начала не везло – ему и имени-то своего не могли подыскать, и матушка, отчаявшись, дала ему имя отца. Так и получился Акакий Акакиевич. «Ребенка окрестили; причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто предчувствовал, что будет титулярный советник» (3, 142).

Имя было дано по вынужденной необходимости, должность получена по необходимости, и вся жизнь строилась по необходимому регламенту в том петербургском чиновничьем мире, где имя и связанная с ним неповторимая личность человека не имеют никакого значения: чин прикрывает отсут-

ствие лица, уникальная индивидуальность стирается под влиянием обезличивающей стихии. Не случайно Акакия Акакиевича в упор не видели сослуживцы, а сторожа даже не глядели на него, как будто через приемную пролетала большая муха. Интересно, что Акакий Акакиевич обычно изъяснялся служебными частями речи – предложениями, частицами, а чаще всего местоимениями (словами, *замещающими имя*), например: «Этаково-то дело этакое, – вышло того...» или: «Так этакто! Вот какое уж точно, никак неожиданное того...» (3, 152). Близкость существования лишает имени чувства героя, окружающие его явления и предметы. Между прочим, и ветхую шинелишку Акакия Акакиевича с куцым воротником чиновники в насмешку лишили настоящего имени и назвали *капотом* (3, 147).

Впрочем, не только «ветошки» вроде Акакия Акакиевича и его старенькой шинели, но и «тузы», находящиеся на самом верху табели о рангах, подвержены воздействию общей обезличивающей стихии. Напомним, что у портного Петровича, к которому пришел Акакий Акакиевич по поводу своей вкоонец изношенной шинели, была табакерка, а на крышке табакерки изображен генерал с заклеенным бумажкой лицом (*важен чин, а лицо не имеет значения*). Эта картинка – символический прообраз того «значительного лица», которое в конце повести до того утратит маленького чиновника, что тот не выдержит потрясения и отправится на тот свет. Но вот оказывается, что, находясь на противоположных концах служебной бюрократической лестницы, персонажи-антиподы обнаруживают неожиданное сходство: *косоязычие*. Акакий Акакиевич, не смея и слово молвить, выражался местоимениями из-за своей забитости и робости. «Значительное лицо», напротив, едва ворочал языком из сугубой важности. Когда «ему случалось быть в обществе, где были люди хоть одним чином ниже его, так он был просто хоть из рук вон»: молчал, или произносил какие-то односложные звуки, и все потому, что боялся, «не будет ли фамильярно и не уронит ли он этим своего значения?». Как поясняет автор, прежде он был добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но «генеральский чин совершенно сбил его с толку» – он стал каким-то безликим, бесцветным и «приобрел титул скучнейшего человека» (3, 165). Таким образом, он явился такой же жертвой бюрократической обезличивающей системы, как и Акакий

Акакиевич. Чтобы вызвать надлежащий трепет в посетителях, «значительное лицо» изъяснялся... одними *местоимениями*: «Знаете ли вы, кому вы это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это? понимаете ли это?» (3, 267). Наверняка, сам он не мог бы дать вразумительного ответа на свои грозные вопросы: человеческое лицо в нем было заклеено... чином. Для него и имени-то у автора не нашлось. А у его бедного просителя имя, хоть вроде и случайное, но все-таки было. И это имя давно уже, как было сказано, привлекает пристальное внимание исследователей.

Акакий в переводе с греческого значит «невинный», «незловивый». О.Г. Дилакторская, изучавшая фантастическое начало в «Петербургских повестях» Гоголя, пишет: «...это имя значимо, символично: герой не просто кроткий, незловивый, а кроткий и незловивый в квадрате» [9].

Голландский исследователь Ф. Дриссен еще в 1955 году высказал предположение, что небесным покровителем героя является подвижник шестого века Акакий Синайский [10]. А немецкий славист Зеeman [11] в 1966 году уточнил, что житие этого святого Гоголь мог найти в «Лествице» Иоанна Синайского (Лествичника). Это была настольная книга писателя. Она посвящена постепенному духовному восхождению человека в небесные обители. «Лествица» явилась источником и для повествования о святом Акакии в Четвях Минеях святителя Димитрия Ростовского, «Прологе» и других житийных сборниках, также известных писателю.

Святой Акакий прославился сугубым подвигом послушания, который совершал, будучи келейником у одного старца, обладавшего весьма жестоким и своенравным характером. Старец мучил его ругательствами и побоями. Потом Акакий умер. И когда другой, благочестивый старец, не доверяя слухам о его ранней кончине, спросил у гробницы: «Брат Акакий, умер ли ты?», послышался ответ: «Отче, как можно умереть делателю послушания?».

Гоголевский герой действительно чем-то напоминал своего небесного покровителя: был кроток и безответен, безропотно сносил насмешки и злые шутки молодых чиновников. Однако он не был святым: его безответность была вынужденной, а не осознанно свободной, что характерно для христианских подвижников. Послушание же его доходило до *автоматизма*. Весьма выразителен

следующий эпизод. Желая вознаградить Акакия Акакиевича за долгую службу, ему поручили не обыкновенное переписывание, а нечто более сложное: изменить заглавный титул, поставить другое лицо в глаголах. Это «творческое» задание так его измучило и испугало, что он от него отказался и вернулся к прежнему бездумному переписыванию. Автоматическое свое занятие он исполнял ревностно, с любовью – «некоторые буквы были у него фавориты». Акакий Акакиевич был делателем *буквы, а не духа*. А после смерти, в отличие от своего святого покровителя, он стал делателем бунта, а не послушания. Бунт же произошел от страсти, а страсть – настоящая страсть! – возникла в бедном маленьком чиновнике... к новой шинели.

Гоголь призывает нас и сострадать своему герою, и в то же время всматриваться в его духовную проблему. Да, шинель действительно была насущной вещью для него: автор мастерски описывает промозглый питерский ветер, который дует одновременно со всех сторон. Прошло уже полгода с начала пошива новой шинели, а лютая зима, кажется, и не думала кончаться. Писателю важно было показать, что в северной столице царит «вечная зима», что холод пронизывает и духовную атмосферу города: тоскливо, зябко, одиноко в ней душе человека.

Сослуживцы Акакия Акакиевича порой развлекались тем, что сыпали ему на стол бумажки, с канцелярским остроумием называя их *снегом*. Он терпел, и только когда злые шутки могли повредить делу, когда его толкали под руку, с какой-то особой интонацией произносил: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?» Лишь один молодой чиновник услышал в его жалких словах другие, проникновенные: «*я брат твой*» (3, 144), и эти слова перевернули его сердце и жизнь.

Таким образом, новая шинель нужна была Акакию Акакиевичу не только для того, чтобы прикрыть брненное тело, но еще более для того, чтобы почувствовать себя человеком, *осознать себя равным среди других людей*. И его существование действительно заметили, наконец, благодаря новой, прекрасно сшитой шинели (*по одежке встречают!*) и «осчастливили», включив в свое сообщество. Но как же мало это сообщество напоминало человеческое братство! Пошумели вокруг обновки, уговорили ее обмыть, заманили, напоили и... забыли за картами и пустой болтовней. К двенадцати часам ночи новая шинель валялась на полу, и бедный

Акакий Акакиевич, подобрав ее и бережно встряхнув, снова одинокий, отправился в холод и мрак навстречу беде: бандиты отняли у него новую шинель, а будочник проявил полное безразличие к происшедшему и полное нежелание вмешиваться. В столице, переполненной стражами порядка, граждане беззащитны, брошены на произвол судьбы – увы, традиции эти не исчезли и поныне...

Гоголь с большой духовной пронизательностью показывает, что разного рода опасности и соблазны подстерегали Акакия Акакиевича с момента его призрачного «триумфа» (в связи с появлением новой шинели) на каждом шагу. Чуть только он воспрянул духом, поднял голову и посмотрел по сторонам с торжеством – и уже взгляд его упал на витрину, где была выставлена картинка с игривым сюжетом, и уже выпил лишнего. А на обратном пути «побежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, «как молния, прошла мимо и у которой всякая часть была исполнена необыкновенного движения». Впрочем, опомнившись, он подивился своей «неизвестно откуда взявшейся прыти» (3, 160 – 161).

Между прочим, подобным же образом ведет себя в финале повести «значительное лицо». Проведя приятный вечер у знакомого, выпив, как некогда и Акакий Акакиевич, два стакана шампанского, он почувствовал «расположение к разным экстренностям» и, уютно закутавшись в дорогую шинель, повелел кучеру везти себя не домой, а к немке Каролине Ивановне, которая была ничуть не моложе и не лучше его жены. Тот, кто недавно кричал бедному Акакию Акакиевичу: «Понимаете ли вы, кто стоит перед вами?» – и перечислял все промежуточные инстанции, которые следовало пройти, чтобы добраться до высшей ступени *бюрократической лестницы*, на которой он утвердился, – этот самый человек на *лестнице духовной*, пожалуй, еще и не стоял, а если стоял, то наверняка пониже запуганного им маленького чиновника. Они – антиподы по социальному статусу и собратья по человеческим немощам. И потому автор, жалея Акакия Акакиевича, с не меньшей духовной жалостью говорит и о «бедном значительном лице». Сорванная с его плеч призраком Акакия Акакиевича генеральская шинель обнажила обыкновенную слабость и страх. На «значительном лице» не было лица, когда он прибыл домой. И если с тех пор он приподнялся над своей прежней человеческой ничтожностью, то потому толь-

ко, что стал реже выкрикивать свои грозные фразы и лучше выслушивать людей.

И, наконец, последнее. Нам важно понять, как смотрит писатель на фантастическое окончание истории маленького чиновника, который, словно в отместку за свою неприметно прожитую жизнь, заставил после своей смерти весь Петербург с ужасом говорить о себе как о грозном призраке-похитителе чиновничьих шинелей.

«Ужасная», по слову Достоевского, трагедия маленького героя Гоголя видится как раз в том, что даже посмертно душа его жаждала... шинели. Еще при жизни шинель – вещь, разумеется, необходимая, но все-таки *всего лишь вещь* – стала для него целью существования и «вечной идеей». Она оказалась предметом страстной любви и заменила ему «приятную подругу жизни» (3, 154). Ради нее он шел на любые жертвы, совершал в течение нескольких месяцев настоящий подвиг аскезы. Ради нее, в конечном счете, он отдал жизнь. Теперь, после смерти, тело уже не нуждалось ни в тепле, ни в прикрытии, но зато *душа* оказалась привязанной к тому, что всецело владело ею на земле. Оттого-то она и не могла оторваться от земли, где испытывала столько страданий, не могла подняться вверх, в небесные обители.

Акакия Акакиевича много жалели душевно, с позиций гуманизма. Но маленький чиновник нуждается и в самой главной – духовной жалости: душа его была слишком привязана к миру с его ложными ценностями, его табелью о рангах, *она совсем забыла о вечности и находилась в плену у земли и земной вещи даже посмертно*.

И еще одно замечание. Те, кто интересовался тайной даты рождения героя и житийными источниками «Шинели», пока что не обратили внимания на следующее знаменательное совпадение: 22 марта, когда родился Акакий Акакиевич, празднуется память святого Исаакия Далматского. Его имя упоминается в святцах также и на день 30 мая, когда родился император Петр I. По этой причине, как хорошо известно, святой Исакий считается небесным покровителем великого основателя города, в его честь воздвигнут Исаакиевский собор. Если дата рождения Акакия Акакиевича выбрана не случайно, то тогда можно предположить, что через имя общего святого Гоголь прозревал некую связь между создателем новой столицы и маленьким чиновником – ее невинной жертвой. Без них обоих немислимо представить себе существ-

вание Петербурга, они – его неотъемлемые полюса. Кстати, в повести однажды мелькнул силуэт знаменитого Медного всадника, но в очень сниженном виде – в чиновничьем анекдоте о коменданте города, которому пришли сказать, что «подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента» (3,146). Однако есть в этом анекдоте и что-то символическое: подрубленный хвост – это ведь утраченная точка опоры. Петр, «вздернув» Россию, нацелив ее на временные ценности, отвернул ее от вечных ориентиров и, тем самым, лишил надежных нравственных опор, подорвал внутреннюю устойчивость государства, запрограммировал грядущие бунты.

И вот уже другая связь просматривается в духовном пространстве повести – связь между бедным Евгением пушкинского «Медного всадника» и Акакием Акакиевичем из гоголевской «Шинели», между безумным бунтом одного и посмертным бунтом другого. В их историях угадываются дальние и грозные исторические перспективы: «маленький человек» с его попорванными маленькими радостями и надеждами, его украденной мечтой, его *лишенной внутренних опор и высших целей* жизнью, может стать ферментом больших социальных бурь. Гоголевское предупреждающее слово об этой угрозе оказалось поистине пророческим.

УДК 821.161.1.09”18”

Сузи В.Н.

Петрозаводский государственный университет

ГОГОЛЬ И ДОСТОЕВСКИЙ: ИСКУШЕНИЕ ОБРАЗОМ*

Аннотация. В статье раскрывается общность и своеобразие поэтики Гоголя и Достоевского. Объектом изучения являются образные структуры двух авторов, художественный замысел и способ его реализации в образной системе. С этим связана базовая категория их поэтики – тип художественного метода: *христианский* реализм Достоевского и *магический* реализм Гоголя, их единство и различие в способах отражения и обобщения реальности.

Ключевые слова: историческая и теоретическая поэтика, поэтическое мировоззрение

* © Сузи В.Н.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Сочинения в 8 т. Т.7. – СПб, 1900. – С.21.
2. Там же. – С. 71.
3. Цит. по: Н.В. Гоголь о литературе. Избранные статьи и письма. – М., 1952. – С.18-19.
4. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – С. 207-208.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в 14-ти тт. Т. 3. – М.-Л.: АН СССР, 1938. – С. 9. Далее ссылки на это издание даются внутри текста статьи: первая цифра означает том, вторая – страницу.
6. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М., 1960. – С.43.
7. Наиболее глубоко и подробно проблема имени героя «Шинели» разработана в трудах В.Е. Ветловской. См: Ветловская В.Е. «Шинель» (трансформация житийных мотивов) // Русская литература, 1988, № 4. – С. 41-69; Ветловская В.Г. Житийная история гоголевской «Шинели» // Русская литература, 1999, № 1. – С. 18-35.
8. См.: Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995. – С. 233.
9. Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. – Владивосток: Дальневосточный университет, 1986. – С. 168.
10. См.: Drissen F.C. Gogol als novelist. – Bern. 1955. Drissen F.C. Gogol as short story writer. Paris – The Hague – London, 1965.
11. См.: Seeman K.D. Eine heiligen legend als Vorbild von Gogols “Mantel” // Zeitschrift fur slavistische Philologie. 1966. Bd. 33. H. 1.

ние, типология образов, художественный метод, христианский и магический реализм.

V. Suzy

GOGOL AND DOSTOEVSKY: TEMPTATION IN THE IMAGE

Abstract. Article reveals the commonality and uniqueness of poetics of Gogol and Dostoevsky. Object of study is the shaped structure of two authors, artistic design and method of its implementation in the imagery. Related to this is the basic category of poetics: type of art method – Christian realism of Dostoevsky and magic realism of Gogol, their unity and differ-